

В. И. БУГАНОВ

СТРЕЛЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ 1698 г.
И НАЧАЛО ЛИКВИДАЦИИ
СТРЕЛЕЦКОГО ВОЙСКА

Стрелецкое восстание 1698 г. завершает длинный ряд народных движений «бунташного» XVII в. Его история тесно связана с другими выступлениями стрельцов и событиями военной истории России конца XVII—начала XVIII в.

По условиям жизни (проживание в городах, участие в городской торговле и промыслах) стрельцы приближались

к посадским людям. Основная масса стрельцов торговала в разнос с лотков всякой мелочью стоимостью в рубль или полтину, а многие не имели и этого и жили на скудное жалованье, которое с середины XVII в. непрерывно уменьшалось. В то же время стрельцов заставляли платить налоги с торгов и промыслов, чего ранее не было. К этому можно добавить всякие притеснения приказной администрации и стрелецких полковников (взятки, поборы, принудительные работы и т. д.), тяжесть самой службы, слухи о ликвидации стрелецкого войска и т. д. Знание условий жизни стрельцов поможет понять их участие в восстании 1698 г.

В оценке стрелецкого восстания 1698 г. советская историческая наука до сих пор не имеет полной ясности. Уже в сочинениях дворянских авторов первой четверти XVIII в. восхваления в адрес Петра I и выпады против его сестры и соперницы в борьбе за власть — царевны Софьи сопровождаются резкими оценками стрелецких выступлений конца XVII в., в том числе стрелецкого восстания 1698 г. Стрельцы изображаются, как правило, орудием честолюбивых планов Софьи¹. В составленном бароном Гюйсеном «Журнале государя Петра I» за 1695—1715 гг. при описании восстания 1698 г. и последовавшего за ним розыска стрельцы сравниваются «по своеволию» с древнеримскими преторианцами и турецкими янычарами. Это сравнение стало чрезвычайно популярным². Впоследствии все это было подхвачено и использовано в трудах И. И. Голикова и Я. Штелина³.

В традициях авторов XVIII в. писали о стрелецком восстании дворянские историки первой половины следующего столетия. Так, по мнению Г. Успенского, причинами полного

уничтожения стрелецкого войска были беспорядки, буйства и возмущения самих стрельцов⁴.

Большое внимание восстанию и стрелецкому розыску уделил видный дворянский историк Н. Г. Устрялов⁵. Он использовал архивные документы, в том числе следственное дело. Несмотря на показания стрельцов о тяжести службы, голоде, недостаточном жалованье, автор резко осуждает стрельцов. По его словам, стрельцы, «избалованные Софиею, зараженные духом мятежа, ... жаловались на свою долю», возненавидели новшества Петра, злобились на бояр и иностранцев. Подробный анализ розыска дела понадобился Устрялову только для того, чтобы доказать вину Софьи как якобы инициатора восстания стрельцов в 1698 г. Он по существу одобряет варварские методы следствия Петра I: «От многих подробностей, конечно, не раз содрогнется читатель, ... оне резкими чертами изображают, с каким упорным и опасным зломыслием должен был бороться Петр, как ожесточили стрельцы прекрасную душу его и как неумолимо карал он гибельную для отечества крамолу». Ту же позицию занимает М. И. Семевский, описание которого представляет собой в основном пересказ сочинения современника-иностранца И. Г. Корба⁶.

Новые моменты в оценке событий 1698 г. появились в работах буржуазных исследователей. Так, С. М. Соловьев отмечает, что стрельцы подняли восстание, так как были раздражены тяготами службы, бескормидей, засильем иностранцев, говорит о волнениях среди московского населения в связи с казнями стрельцов, об усилении в стране самозванства, разбойничества, раскольнического движения и др.⁷ Но в целом автор с неодобрением относится к выступлениям стрельцов конца XVII в.

Решительный разрыв с традицией официальной дворянской историографии в оценке этих движений конца XVII в.

¹ Ф. Прокопович. История имп. Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии. СПб., 1773, стр. 25—26. А. Я. Хилков. Ядро российской истории. М., 1784, стр. 374—379.

² Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений... о жизни и деяниях... Петра Великого, ч. 3. СПб., 1787, стр. 102—112; «Журнал или Поденная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира», ч. 1. СПб., 1770, стр. 1—3; «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии», ч. 4. СПб., 1799, стр. 172—173.

³ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, ч. I. М., 1788, стр. 147—194, 208—229, 325—330; ч. II. М., 1789, стр. 42; он же. Дополнения к деяниям Петра Великого, т. 17. М., 1796, стр. 22—27. Я. Штелин. Любопытные и достопамятные сказания о имп. Петре Великом. СПб., 1786, стр. 17—29; он же. Подлинные анекдоты о Петре Великом, ч. 1. М., 1800, стр. 19.

⁴ Г. Успенский. Опыт повествования о древностях русских, ч. 1. Харьков, 1818, стр. 358—359; см. также: Г. Глинка. Русская история в пользу воспитания, ч. 7. М., 1819, стр. 1—2, 27—28.

⁵ Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. III. СПб., 1858, стр. 152—245.

⁶ М. И. Семевский. Восстания и казни стрельцов в 1698 г. (Рассказ очевидца И. Г. Корба). — «Отечественные записки», т. СXXXVI. СПб., 1861, стр. 103—130.

⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII. М., 1962.

знаменует появление статьи революционера-демократа Н. А. Добролюбова, представляющей собой рецензию на первые три тома указанного выше труда Н. Г. Устрялова⁸. Он высказывает очень важную мысль: «Да и вообще не может один — или даже несколько человек — произвести в массах волнение, к которому они не приготовлены, которое не бродит уже в умах их вследствие фактов прошедшей жизни». Далее Добролюбов говорит об этих «фактах прошедшей жизни» в применении к стрелецкому восстанию 1698 г., которое было возбуждено, «кажется, неблагоприятием, а может быть, даже и действительными притеснениями начальников, нежели какими-нибудь определенными замыслами в пользу старины». Автор с большой симпатией отмечает стойкость стрельцов во время страшного розыска 1698—1699 гг. и ставит вопрос о необходимости сделать материалы сыска «предметом юридического исследования». Его цель должна заключаться в выяснении вопроса: должен ли историк отдать предпочтение первоначальному заперительству стрельцов или последующим показаниям о роли Софьи, которые были вынуждены жестокой пыткой: «С одной стороны, если заперительство и молчание стрельцов были умышленны, а не происходили вследствие того, что они действительно ничего не знали и ничего не могли говорить, в таком случае каждый из них превосходил в героизме Мудия Сцевоу и Регула. С другой стороны, известно, что признания, сделанные под пытками, нельзя считать слишком надежными. Рассмотревши все розыскное дело, сохранившееся в целости, в настоящее время можно, вероятно, сделать заключение более беспристрастное и спокойное, нежели какое было возможно во время самого розыска». Тем самым в эзоповской манере, обусловленной положением, в котором приходилось работать русским революционерам середины XIX в., Добролюбов по существу отверг официальную трактовку истории стрелецких восстаний конца XVII в., которые он рассматривает как народные движения, подготовленные всем ходом предшествующего развития. Он поставил вопрос о дальнейшем исследовании материалов стрелецкого розыска.

⁸ Н. А. Добролюбов. Первые годы царствования Петра Великого. — «Первое полное собрание сочинений в четырех томах», т. 2. СПб., 1911, стр. 133—135.

Историк-демократ А. Шапов⁹ писал, что стрельцы в конце XVII в. восставали под знаменем раскола во имя равенства против князей, бояр и начальных людей, против иностранцев и нововведений. Раскол сделал народными движениями все стрелецкие выступления. Повествуя о «кровавых актах мучительнейших побоищ» 1698 г., Шапов пишет: «Как живуч был в стрельцах до последней капли крови дух восстания, как в кусках обезглавленных тел стрелецких на Кремлевской площади... долго трепетала жизнь в ужаснейшей агонии, так живуч был жизнью раскола стрелецкий дух демократического антагонизма. Он пережил самих стрельцов». В другом месте автор говорит, что «дух Стеньки Разина, дух стрельцов воплотился в живучую, неумирающую вековую оппозицию раскола». Несмотря на известную идеализацию раскольничьих движений, в построении Шапова важным является указание на внутреннюю связь движений конца XVII в., в том числе стрелецких выступлений, с другими народными восстаниями этого века, на их демократический характер.

Сходные мысли высказал в своем ценном исследовании ученик А. Шапова — Н. Аристов¹⁰. Он писал, что стрельцы в 1698 г. выступили против злоупотреблений властью, тягот дальних походов, придирок начальников, вычетов из жалованья, а также против усиления влияния немцев и угнетения православных, плохого отношения к ним Петра. Их мятежный дух возбудили не интриги Софьи, а «недоверие к боярскому и иноземному московскому правлению». Они хотели расправиться с немцами и боярами как незаконными правителями и поработителями. Как и Шапов, Аристов развивает своеобразную «земскую» теорию применительно к XVII в., отстаивая ошибочный тезис о согласии между народом и царем в государственных делах в первой половине столетия (например, на Земских соборах); отсутствие же этого согласия во второй половине века привело к взрывам народного недовольства. Стрельцы как в 1682 г., так и в 1698 г. руководствовались «старинным земским желанием — иметь долю участия в делах общественных», возродить «земское строенье» времени первого Романова.

⁹ А. Шапов. Русский раскол старообрядчества. Казань, 1859, стр. 477; он же. Земство и раскол, вып. 1. СПб., 1862, стр. 49—59.

¹⁰ Н. Аристов. Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава, 1871.

Обусловленность выступления стрельцов в 1698 г. их невыносимо тяжелым положением отмечается в работах буржуазных историков второй половины XIX в. Н. И. Костомарова, А. Г. Брикнера и Е. А. Белова¹¹. Брикнер писал, что стрельцы выступали под лозунгом борьбы с боярами-изменниками, которые в отсутствие Петра I хотели удушить царевича, и иностранцами, которых считали виновниками всех бедствий. Стрельцы, по словам автора, мечтали о чем-то похожем на Сицилийскую вечерню, о борьбе низших слоев против высших (хотели перебить всех бояр и иноземцев, разграбить их дома), о перемене на престоле. Хотя автор и не договаривает, это в сущности говорит о программе, свойственной всем восстаниям XVII в., царистских иллюзиях их участников. Отметив, что Петр во время розыска все внимание направил на выяснение роли Софьи, Брикнер верно замечает, что «предание ... приписывает Софье слишком важную роль в предприятиях стрельцких», хотя нельзя сомневаться в существовании связи между стрельцами и Софьей с сестрами. Царевны не могли не желать после падения Софьи в 1689 г. перемены к лучшему в своем положении, тем более что до них доходили слухи о всеобщем ропоте.

Во время стрельцкого розыска Петр, видевший в стрельцах лишь орудие враждебной ему партии, сторонников реакционных стремлений, не был строже своих предшественников (в 1662 г. после коломенского «бунта» число жертв, подвергнутых пыткам и казням, доходило до нескольких тысяч), но при всем том розыск был ужасен; высший судья, пренебрегая своим достоинством государя, «походил на палача». Семьи казненных стрельцов были обречены на медленную смерть (они были лишены крова и хлеба). Таким образом, при всех ошибках и недоговоренностях стрельцкое восстание конца XVII в. выступает у Брикнера как звено единой цепи классовой борьбы в XVII—начале XVIII в.

Белов «корни» стрельцкого «бунта» 1698 г. видит «в злоупотреблениях администрации» (тяжелая служба стрельцов, скудное содержание, бескормица для лошадей). Достаточно

¹¹ Н. И. Костомаров. Царевна Софья. — «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», отд. 2, вып. 5. СПб., 1874; А. Г. Брикнер. История Петра Великого, т. I. СПб., 1882, стр. 274—288; Е. А. Белов. Московские смуты в конце XVII века. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1887, январь, стр. 99—146; февраль, стр. 319—366.

было появиться настоящему (или подстроенному царевной Марфой) письму Софьи, чтобы поднять среди стрельцов бурю, тогда как в 1689 г. «их ничто не могло подвигнуть» (при Софье стрельцы и солдаты с голоду не умирали, не ходили «по миру»). Вряд ли можно что-либо возразить против его оценки розыска и казней 1698—1699 г.: «Великий розыск 1699 г. производит более тяжелое впечатление, чем разгром Новгорода Грозным». Белов отвергает тезис о направленности «бунта» против преобразований Петра (только во время самого розыска начались бритье бород и перемены в одежде). Автор сближает восстания 1682 и 1698 гг. (в 1682 г. — толки об И. К. Нарышкине, якобы задушившем царевича Ивана, в 1698 г. — то же относительно Т. Н. Стрешнева и царевича Алексея Петровича; в обоих случаях непамять к боярам выразилась в форме престолярного понимания политических отношений).

Эти положительные моменты в работах буржуазных авторов в значительной степени теряют свою ценность рядом с их рассуждениями о стрельцах как «своевольной», «разнузданной» массе — орудии боярских группировок (Н. И. Костомаров), разъяренной толпе, со сравнением их с преторианцами и янычарами (А. Г. Брикнер), о «бунте» 1698 г. как о «дисциплинарном преступлении» (Е. А. Белов) и т. д.

По мнению В. О. Ключевского, стрельцы, поднявшие новое восстание в 1698 г., были для Петра его «старыми недругами, вновь поднятыми мятежной сестрой»¹²⁻¹³.

С позиций официальной дворянской историографии подходил к оценке стрельцкого восстания 1698 г. С. Ф. Платонов¹⁴. Хотя он и признает его обусловленность тяготами службы, слухами об уничтожении стрельцкого войска, все же его социальные, классовые корни оставляет без внимания. Отмечая «ужасающие пытки» и жестокие казни стрельцов, активную роль во всем этом Петра I, автор оправдывает последнего, так как он, по его словам, впервые рассчитался со старым порядком и стал проводить свои культурные новшества.

После Великой Октябрьской социалистической революции стрельцкие движения конца XVII в. получили более верную

¹²⁻¹³ В. О. Ключевский. Сочинения, т. IV. М., 1958, стр. 27.

¹⁴ С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории, изд. 10. Пг., 1917, стр. 490—492.

оценку (М. Н. Покровский, А. Н. Штраух и др.), хотя восстание 1698 г. не стало предметом специального исследования. Покровский считал, что народные выступления конца XVII в., к которым он причислял и стрельцкое восстание 1698 г., были направлены против гнета торгового капитала, опиравшегося на новое войско во главе с Петром I. Стрельцы, смутно чувствуя, что новые порядки угрожают самому существованию стрельцкого войска, выступили в защиту своих интересов сначала в 1682 г., затем в последний раз в 1698 г. Они были разгромлены окончательно Петром, который, по замечанию Покровского, «был не только самым талантливым и энергичным, но и самым жестоким из Романовых»¹⁵.

Несмотря на ошибочность теории Покровского о торговом капитале в России XVII в., в его изображении стрельцы выступают в качестве самостоятельной силы, а не орудия придворных партий (раздорами которых они, несомненно, воспользовались как подходящим моментом для восстания). Он дает четкую классовую характеристику расправы царской власти, самого Петра с народными движениями.

Однако в конце 1930-х годов в оценке движений 1682 и 1698 гг. наблюдается своеобразный историографический рецидив. Они снова стали рассматриваться как «реакционные бунты», направленные против прогрессивных преобразований Петра I, а стрельцы опять превратились в орудие политических замыслов Софьи и реакционного боярства и духовенства. Так, в вышедшем в 1940 г. первом томе биографии Петра I, составленной академиком М. М. Богословским задолго до этого (он умер в 1929 г.)¹⁶, автор в оценке восстаний конца XVII в. по существу отходит от достигнутой историографии на 150—200 лет назад. Хотя в биографии говорится о возбужденном состоянии стрельцкого войска из-за притеснений начальников, стрельцы все же опять рассматриваются как орудие Софьи и других заговорщиков. У Богословского не нашлось ни слова осуждения в адрес царя-палача Петра I и адской кухни в пыточном селе Преображенском в 1698 г., ни слова сочувствия корчившимся в нечеловеческих муках стрельцам. Сторонник «нормальной го-

¹⁵ М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 3. М., 1967, стр. 80.

¹⁶ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии. т. I. М., 1940, стр. 37—48 и сл.; т. 2. М., 1941, стр. 408—410, 538—540; т. 3. М., 1946, стр. 26—126.

сударственной деятельности», автор, как задолго до него дворянские историки, говорил о «разнузданном стрельцком войске» и т. д. Классовый смысл их борьбы, закончившейся столь трагическим исходом, автор и не пытался раскрыть.

В работе В. В. Мавродина¹⁷ о стрельцах-повстанцах 1698 г. сказано: «Петр понял, что стрельцы лишь орудие в руках реакционного боярства и его сестры Софьи».

Б. Б. Кафенгауз¹⁸ отмечает, что у стрельцов в 1682 г. было много поводов для недовольства, что среди них была богатая верхушка, но считает, что в 1698 г. «стрелецкий мятеж был направлен против начинавшихся реформ и, следовательно, носил реакционный характер».

В книге Н. Б. Голиковой, посвященной деятельности Преображенского приказа, проанализирован большой материал из состава его делопроизводства, в том числе следственные документы 1698—1699 гг. о восстании стрельцов. Последние также характеризуются как орудие в руках реакционных сил, выступивших против начинавшихся петровских реформ¹⁹.

Подобная точка зрения на стрельцкие «бунты», в том числе и 1698 г., как на реакционные выступления против начинавшихся преобразований стала в общем господствующей в исторической науке. Это отразилось на соответствующих главах и разделах вузовских учебников и обобщающих трудов, изданных Институтом истории АН СССР («История Москвы», «Очерки истории СССР. Период феодализма», «Всемирная история») и перешло в школьные учебники.

Таким образом, состояние изучения истории стрельцкого восстания 1698 г. свидетельствует о настоятельной необходимости повторного и детального его исследования с привлечением всего круга источников. Его ошибочная оценка как «реакционного бунта» должна быть пересмотрена; это является прямой задачей советских историков. Источники (актовый материал, повести, летописи, воспоминания современников) свидетельствуют о сложном, но в целом антифеодальном, народном характере стрельцких выступлений в конце XVII в., в том числе и стрельцкого восстания 1698 г.

¹⁷ В. В. Мавродин. Петр I. А., 1945, стр. 35—36.

¹⁸ Б. Б. Кафенгауз. Петр I и его время. М., 1948, стр. 41—44.

¹⁹ Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.